

Авт

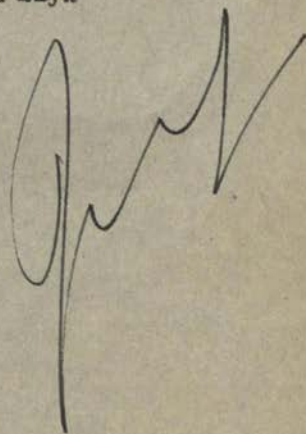
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Я. О. МОТОВИЛОВКЕР

**ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

Автореферат диссертации на соискание
ученой степени доктора юридических наук

МОСКВА 1966 г.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Я. О. МОТОВИЛОВКЕР

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО
ПРОЦЕССА

Автореферат диссертации на соискание
ученой степени доктора юридических наук

МОСКВА 1966 г.

Ю. М. Громову
с изложением тезисов
of abstract
25. XII 73

Ветеринария
Иль

Ученый совет юридического факультета МГУ направляет Вам для ознакомления автореферат диссертации тов. Мотовиловкера Я. О.

Отзывы просим направить в Ученый совет юридического факультета МГУ по адресу: Москва, ул. Герцена, 11.

Защита состоится на юридическом факультете МГУ

« »

1967 г.

Ученый секретарь совета профессор (А. Н. ВАСИЛЬЕВ).

1. «Правосудие в СССР,—говорится в Программе КПСС,—осуществляется в полном соответствии с законом. Оно строится на подлинно демократических основах...»¹. Советская уголовно-процессуальная наука раскрывает демократическое содержание действующего уголовно-процессуального законодательства и содействует укреплению социалистической законности при осуществлении правосудия.

Но демократические основы правосудия, формы и институты уголовного судопроизводства будут развиваться и совершенствоваться. В решении вопроса о дальнейшем развитии и совершенствовании уголовно-процессуального законодательства значительная роль также принадлежит уголовно-процессуальной науке. В партийной и юридической литературе неоднократно указывалось, что главная задача юридической науки в условиях коммунистического строительства состоит в том, чтобы выработать научно обоснованные рекомендации, которые помогали бы совершенствовать и улучшать государственно-правовую структуру советского общества.

Глубокий анализ действующих законов и их применения в жизни, анализ новой следственной и судебной практики, постоянные поиски путей улучшения законодательства — одна из важнейших задач советской правовой науки, вытекающих из постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране».

Приведенными соображениями руководствовался автор как при выборе темы, так и при определении предмета и цели диссертационной работы.

Автор стремился показать гуманизм и демократизм совет-

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», Госполитиздат, 1965, стр. 106.

ского процесса, указать пути наиболее эффективного применения норм действующего законодательства в интересах обеспечения достижения истины и охраны прав личности и, тем самым, посылить содействовать развитию теории уголовного процесса и установлению единства следственной и судебной практики. Вместе с тем автор пытался выявить возможности дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства и выдвиганием ряда предложений и рекомендаций оказать содействие нашим законодательным органам в их нормотворческой деятельности.

2. После принятия нового уголовно-процессуального законодательства советские юристы приложили немало усилий к тому, чтобы раскрыть его богатое содержание и обобщить практику его применения. Такие труды отдельных авторов и авторских коллективов, как «Сущность советского уголовно-процессуального права» (П. С. Элькин), «Уголовно-процессуальный закон» (Б. А. Галкин), «Демократические основы советского социалистического правосудия», «Научно-практические комментарии» к Основам уголовного судопроизводства и к отдельным уголовно-процессуальным кодексам и др., несомненно, представляют значительный теоретический и практический интерес.

Немало ценных предложений сделано за последнее время и по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. Естественно, однако, что свои выводы и рекомендации авторы ограничивали пределами исследуемой ими темы. Предложения касались того или иного средства доказывания, например, заключения эксперта (И. Л. Петрухин), того или иного участника процесса, например, потерпевшего (В. М. Савицкий, И. И. Потеружа), только участников уголовно-процессуальной деятельности (Р. Д. Рахунов), той или иной стадии процесса, например, возбуждения уголовного дела, предварительного следствия (Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин), предания суду (И. М. Гальперин, В. З. Лукашевич), исполнения приговора (И. Д. Перлов).

В диссертации же, согласно исходной позиции автора, предпринята попытка рассмотреть вопрос о дальнейшем развитии нашего уголовно-процессуального законодательства в более широком плане. Так как требование установления истины и охраны прав личности является общим для всех стадий советского уголовного процесса и пронизывает все его институты, то автор не мог ограничить исследование рамками отдельного института, пределами отдельной стадии процесса. Поэтому и рекомендации по совершенствованию действующего законодательства относятся к различным стадиям процесса, начиная с

возбуждения уголовного дела (ст. 5 УПК РСФСР¹; см. § 5 гл. II первого раздела диссертации), и кончая возобновлением дела по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 390 УПК РСФСР; см. § 8 гл. XIII четвертого раздела диссертации).

По своему содержанию выдвигаемые в диссертации предложения и рекомендации направлены на дальнейшее развитие демократических основ правосудия, дополнение и изменение правовой регламентации ряда процессуальных форм и институтов, устранение расхождений между республиканским и общесоюзным, уголовно-процессуальным и уголовным законодательством, а также на устранение структурных и логических противоречий в сфере уголовно-процессуального регулирования.

Свои окончательные выводы автор старался основывать на достижениях социалистической процессуальной науки, накопленном опыте практической деятельности следственных и судебных органов, практике применения не только нового, но и ранее действовавшего законодательства. Критерием же оценки того или иного предложения об улучшении законодательства служило его соответствие духу решений XX и последующих съездов КПСС, их курсу на дальнейшую демократизацию основ правосудия, укрепление социалистической законности и охраны прав граждан в уголовном процессе.

В нашей литературе справедливо отмечалось, что в вопросе об изменении действующего законодательства необходимо избегать проявления как необоснованной поспешности, так и излишнего консерватизма. На необходимость своевременного улучшения законов указывал В. И. Ленин. «И если тот закон, который теперь вами принят, — говорил В. И. Ленин на IV сессии ВЦИК 31 октября 1922 г., — тоже окажется в тех или иных отношениях заслуживающим поправки, мы без всякого затруднения эти дальнейшие поправки, дальнейшие улучшения будем принимать так же, как вы вот сию минуту принимали поправки и улучшения к нашему Уголовному кодексу»².

Эти указания В. И. Ленина в полной мере сохраняют свою силу и в вопросе об улучшении нашего уголовно-процессуального законодательства.

3. Широко применяя сравнительный метод исследования, автор старался использовать в своих выводах положительный опыт различных союзных республик, а равно опыт братских социалистических стран.

1. Здесь, как и в дальнейшем, при ссылках на статьи УПК РСФСР даются в виду и соответствующие статьи МПК других союзных республик, если иное не оговорено.

2 В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 247—248.

Особенности той или иной республики и, в частности, особенности развития юридической мысли, а также опыт борьбы с преступностью в каждой из них вполне оправдывают известные расхождения в законодательстве о судопроизводстве при единстве решения основных вопросов, обеспеченном соответствием кодексов республик *«Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик»*¹. Это, однако, вовсе не исключает правомерности постановки вопроса об использовании одной республикой опыта законодательной деятельности другой республики в интересах наиболее эффективного осуществления социалистического правосудия.

Применение сравнительного метода в области уголовно-процессуальной науки необходимо также в целях использования достижений теории, законодательства и опыта практической деятельности органов правосудия в других социалистических странах. При всем разнообразии условий своего развития, национальных особенностей и исторически сложившихся традиций, эти страны имеют однотипный с нами государственный строй и единую идеологию: марксизм-ленинизм. При этом общие черты системы права всех социалистических государств будут все время усиливаться, так как развитие этих государств в составе единой мировой системы социализма, использование закономерностей и преимуществ этой системы «открывают перспективу их более или менее одновременного... перехода к коммунизму»².

Принципиально иным является наше отношение к буржуазной процессуальной науке. Советские юристы отвергают идеалистическую и метафизическую методологию и теоретические построения ее представителей, помня, что вопрос о государстве и праве умышленно и неумышленно запутан ими потому, что он «затрагивает интересы господствующих классов больше, чем какой-нибудь другой вопрос»³. Вместе с тем, исходя из указаний В. И. Ленина, советские процессуалисты не отказываются использовать тот или иной фактический материал об эксплуататорском процессуальном праве, который содержится в работах буржуазных процессуалистов, то или иное предлагаемое ими юридико-техническое решение вопроса, те или иные данные, разоблачающие классово-угнетательскую роль буржуазного уголовного процесса, «все, что есть в литературе и опыте западно-европейских стран **в защиту трудящихся...**»⁴.

¹ В дальнейшем — Основы уголовного судопроизводства.

² «Программа Коммунистической партии Советского Союза». Госполитиздат, 1965, стр. 132.

³ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 66.

⁴ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 412.

4. Диссертация состоит из введения и четырех разделов. Во введении обосновывается выбор темы, излагаются методологические основы работы, раскрываются ее цели и общая направленность. Что касается выводов автора в каждом разделе работы, то они в наиболее обобщенном виде сводятся к следующему.

I.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. В первом разделе диссертации рассматривается вопрос о содержании принципов объективной истины и презумпции невиновности, их соотношении и роли в обеспечении прав личности в уголовном процессе. Исследуется вопрос о практической значимости применения к выводам следствия и суда о фактических обстоятельствах дела общетеоретических положений диалектического материализма об объективной, абсолютной и относительной истине.

2. Методологически порочная концепция об относительном характере истины в уголовном процессе в том смысле, что для вынесения обвинительного приговора достаточно максимальной вероятности виновности подсудимого (А. Я. Вышинский), ставит правосудие в положение, при котором судебные ошибки неизбежны. Такие ошибки могут встретиться, разумеется, и при требовании достижения судом достоверности вины лица в совершении преступления. Но при таком требовании судебная ошибка не неизбежна. Она результат того, что суд **не выполнил** требования закона и принял максимально вероятное за достоверное. Если же считать достаточным для вынесения обвинительного приговора лишь вероятность вины подсудимого (независимо от степени этой вероятности), то судебные ошибки становятся именно неизбежными, присущими судебной работе, являясь результатом того, что суд **выполнил** предъявляемое к нему требование и применил наказание не при достоверности, а лишь при вероятности вины подсудимого. При этих условиях неминуемость судебных ошибок заложена в том разрыве, который имеется между той или иной степенью вероятности и достоверностью вины подсудимого. Поэтому для вынесения обвинительного приговора необходимо достоверно установить событие преступления и совершение его обвиняемым.

Отсюда, однако, не следует, что установленная в приговоре истина в целом не может быть истиной относительной. Автор разделяет высказанное в нашей литературе мнение, согласно которому диалектика абсолютной и относительной истины

применительно к установлению судом факта совершения подсудимым преступления может лишь означать «полноту и неполноту выяснения связей его с другими явлениями» (А. А. Пионтковский). Действительно, в приговорах нередко встречаются такие констатации, как «Подсудимый вместе с другим, скрывшимся от следствия и суда, совершил...» или: «Подсудимый нанес удар тупым, твердым предметом». Во всех таких случаях суд устанавливает истину объективную, но относительную: хотя второй преступник остается неизвестным, суд достоверно установил, что второе лицо участвовало в преступлении и что преступление, следовательно, совершено не одним лицом, а группой; хотя конкретно не установлено, каким именно предметом подсудимый нанес удар, все же достоверно установлено, что удар нанесен предметом твердым, тупым и т. д.

Отрицание же возможности установления в приговоре относительной истины привело в нашей литературе к выводу, что «если не установлено, совершил ли обвиняемый кражу или грабеж, то это значит, что не доказано с достаточной убедительностью ни то, что он совершил кражу, ни то, что он совершил грабеж» (Н. Н. Полянский).

Однако, если суд убежден, что факт хищения имел место, и у него не остается сомнений в том, что это хищение совершил подсудимый, но, несмотря на все усилия органов следствия и суда, не удалось точно установить, тайным или открытым был способ хищения, то суд постановляет обвинительный, а не оправдательный приговор. Так как обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, исключается возможность признания подсудимого виновным в грабеже. В соответствии же с принципом презумпции невиновности суд истолкует сомнения относительно способа хищения в пользу подсудимого, который будет признан виновным в краже.

Признание устанавливаемой в уголовном процессе истины относительной в смысле подмены требования достоверности вины ее максимальной вероятностью (А. Я. Вышинский) создает опасность осуждения невиновного. Предъявление же не всегда выполнимого в условиях судебной деятельности требования, чтобы судебное решение было воплощением только абсолютной истины (Н. Н. Полянский), создает лазейку для оправдания виновного. Первое из этих требований слишком заниженное, второе — чрезмерно завышенное. Обе крайности могут привести, хотя и разными путями, к нарушению социалистической законности.

3. Необходимость презумпции невиновности в уголовном процессе обусловлена спецификой процессуального исследования. Исследование фактических обстоятельств дела отличается от научного исследования не тем, что оно ненаучно, а тем, что

научный процесс познания кончается **познавательным** результатом или без всякого результата. Судебный же процесс должен кончаться **юридическим** результатом и в той части, в какой обвинение не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть. Суд решает судьбу лица, обвиняемого в хищении, и он не может оставить без ответа вопрос о том, было ли хищение тайным или открытым, и в том случае, когда не удалось с достаточной убедительностью установить, совершена ли кража или грабёж. Но ответа на вопрос, каким должен быть юридический результат в той части, в какой не удалось достигнуть познавательного результата, принцип объективной истины не даёт и дать не может. Следовательно, одного принципа объективной истины недостаточно для того, чтобы обеспечить вынесение решения, которое бы соответствовало нашему социалистическому правосознанию. Для этого необходим принцип презумпции невиновности, суть которого заключается в определении не психологического состояния или субъективного мнения того или иного участника процесса (как это могло бы казаться, исходя из не совсем удачного наименования «презумпция» т. е. предположение), а правового положения обвиняемого и деятельности органов следствия и суда (например, обеспечение полной реабилитации привлечённого к уголовной ответственности лица при недостаточности улик, толкование сомнений в пользу обвиняемого)¹.

Именно потому, что презумпция невиновности объективно соответствует природе советского уголовного процесса, она верно служит интересам социалистического правосудия. Ибо «не природа и человечество сообразуются с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории»².

4. В судебной практике встречаются случаи, когда по той или иной причине один из соучастников преступления не привлечён к ответственности и, следовательно, в данном уголовном деле функцию защиты не осуществляет. В таких случаях суд не может не считать себя обязанным указать в приговоре

¹ Поэтому нельзя согласиться с утверждениями, что «видеть в обвиняемом «возможного» преступника значит руководствоваться не презумпцией невиновности» (Р. Д. Рахунов), что «презумпция невиновности, как явление субъективное, составляет содержание принципа презумпции невиновности, так как принцип презумпции невиновности обязывает именно предполагать невиновность обвиняемого» (М. Цесляк), что «возможны случаи, когда до постановления приговора «презумпция невиновности умалкает, потому что она уже опровергнута» (Н. Н. Полянский).

Взгляд на презумпцию невиновности как объективно-правовое положение последовательно отстаивает в нашей литературе М. С. Строгович.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 34.

на роль каждого из участников преступления в таком виде, в каком она устанавливается материалами дела. Таким приговором, однако, вовсе не предрешается¹ виновность лица в соучастии в данном преступлении при рассмотрении о нем уголовного дела. Презумпция истинности вступившего в законную силу судебного решения не может быть понята в том смысле, что она связывает судьейское убеждение или препятствует полному осуществлению права обвиняемого на защиту в тех случаях, когда предстоящее решение по уголовному делу касается того или иного факта, установленного или отвергнутого предшествовавшим судебным решением. В этой связи в диссертации указывается на целесообразность отказаться, по примеру УПК ряда союзных республик, от нормы ст. 28 УПК РСФСР и установить в законе, по примеру УПК ряда социалистических стран, что при рассмотрении уголовного дела суд решает все возникающие вопросы самостоятельно, не считая себя связанным решением другого судебного или иного органа.

5. Касаясь спорного в литературе вопроса о том, включает ли устанавливаемая в суде истина, кроме выводов о существовании самих фактов, и суждения о необходимости квалифицировать деяние по определенной статье действующего закона, а также о виде и мере наказания, автор приходит к следующему выводу.

Поскольку всякое утверждение, соответствующее действительности, является истинным, то истинными или неистинными могут быть и суждения суда о том, что данное деяние подпадает под признаки такой-то статьи закона и что характеру и степени общественной опасности преступления и личности виновного соответствует такое-то наказание. Главное, однако, в настоящее время заключается, по мнению автора, не в том, чтобы отстоять взгляд, согласно которому соответствие фактических обстоятельств определенной норме есть проявление их объективного свойства. Имевшие место в прошлом трудности в решении этого вопроса можно на сегодня считать преодоленными. Сейчас представляется важным, чтобы, не противопоставляя задачу правильного установления фактических обстоятельств каждого уголовного дела задаче надлежащей квалификации преступления и справедливого назначения наказания, в теории и практике эти задачи в нужных пределах отделять, разграничивать.

¹ Иначе см. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу В. и К., «Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса 1946—1962 гг.», «Юридическая литература», 1964, стр. 220.

На необходимость разграничения этих задач указывает законодатель, говоря, например, в ст. 49 Основ уголовного судопроизводства об основаниях к отмене или изменению приговора в кассационном порядке или в порядке судебного надзора. В этой статье законодатель отграничивает несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, от таких кассационных оснований, как неправильное применение уголовного закона и несоответствие назначенного судом наказания тяжести преступления и личности осужденного.

Именно установление событий, фактов, деяний прошлого было принято в теории и практике выражать термином достижения истины в уголовном процессе. Можно, разумеется, спорить по вопросам терминологии и для данного случая указанный термин заменить другим. Бесспорным, однако, представляется, что если ограничиться указанием на включение в понятие истины и правильности квалификации и справедливости наказания, то задача достижения истины совпадет с задачами процесса, указанными в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства. Отказаться же от понятия специальной, самостоятельной задачи правильного установления в процессе событий, фактов, деяний прошлого нельзя, так как это осложнило бы анализ условий, гарантирующих вынесение правильного приговора, и проверку соответствия приговора совокупности предъявляемых к нему требований.

6. В связи со сказанным выше в диссертации исследуется вопрос о практических последствиях, к которым приводит неразграничение фактической и юридической сторон дела, и, в частности, фактических и юридических оснований прекращения уголовного дела.

Отказ от указанного разграничения привел в теории и практике к взгляду, что формулировка п. 2 ст. 5 Основ уголовного судопроизводства охватывает и случай, когда преступление имело место, но установлена непричастность к нему лица, привлеченного к уголовной ответственности. Однако при отсутствии фактической предпосылки процесса (данное лицо не причастно к преступлению) нельзя производство в отношении этого лица прекратить за отсутствием юридической предпосылки процесса (в деянии этого лица нет состава преступления). Прекращение производства по этому основанию представляется несостоятельным и логически: неизвестно, какие действия непричастного к преступлению лица не содержат состава преступления. Наконец, если в указанном случае подсудимый будет оправдан за отсутствием состава преступления (п. 2 ст. 309 УПК РСФСР), то гражданский иск будет оставлен без рассмотрения. Если же оправдательный приговор будет вынесен за недоказанностью участия лица в совершении

преступления (п. 3 ст. 309 УПК РСФСР), в гражданском иске будет отказано. Таким образом, чрезмерно широко толкуя формулу «за отсутствием состава преступления», мы создаем положение, при котором лицо, непричастность которого к преступлению положительно доказана, находится с точки зрения гражданско-правовой ответственности в менее выгодных условиях, чем лицо, участие которого в преступлении не доказано.

7. Недостаточное разграничение фактической и юридической сторон дела сказалось и на построении Уголовно-процессуального кодекса. Так, обстоятельством, исключающим производство по уголовному делу, является отсутствие его юридической предпосылки, которое необходимо отличать от отсутствия фактического основания процесса. В соответствии с этим в ст. 113 УПК РСФСР указывается, что отказ в возбуждении уголовного дела должен последовать «в случае отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела, а равно при наличии обстоятельств, исключающих производство по делу». И грамматическое, и логическое толкование этой статьи приводит к выводу, что отсутствие события преступления должно быть отнесено к понятию **отсутствия** оснований к возбуждению уголовного дела (ст. 108 УПК РСФСР), а не к понятию **наличия обстоятельства**, исключающего производство по делу. Между тем УПК РСФСР включил отсутствие события преступления в ст. 5, в которой содержится перечень юридических, а не фактических предпосылок процесса. Это привело впоследствии к тому, что если кассационная инстанция приходит к выводу об отсутствии самого преступного события, то при нынешней структуре Кодекса основанием к отмене обвинительного приговора в одинаковой мере служит как ст. 344, так и п. 1 ст. 345 УПК РСФСР. К аналогичному выводу приводит анализ пп. 1, 2, ст. 349 УПК РСФСР.

Кроме того, новая редакция ст. 5 не приведена в соответствие с рядом других статей УПК РСФСР. Так, согласно ст. 213 УПК РСФСР при поступлении дела от органа дознания или следователя прокурор обязан проверить: «1). имело ли место деяние, вменяемое обвиняемому... 2). нет ли в деле обстоятельств, влекущих прекращение дела». Следовательно, в этой статье закон правильно ограничивает понятие отсутствия события преступления от понятия обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу.

В ходе дальнейшего исследования диссертант показывает, что без строгого разграничения фактической и юридической сторон дела нельзя уяснить сущности деления кассационных оснований на условные и безусловные; невозможно объяснить, почему запрет преобразования к худшему не вступает в противоречие с принципом объективной истины; немислимо

проведение грани между пересмотром судебных решений в порядке судебного надзора и возобновлением дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Только недостаточным разграничением фактической и юридической сторон дела можно объяснить неточную, по мнению автора, редакцию ч. 1 ст. 385 УПК РСФСР. Из текста этой статьи следует, что дело возобновляется «по мотивам мягкости наказания или необходимости применения к осужденному закона о более тяжком преступлении», хотя в действительности неправильное применение закона может повлечь лишь отмену приговора в порядке надзора, а не возобновление дела.

8. Наряду с отграничением фактических от юридических оснований к прекращению дел важное практическое значение имеет отграничение материально-правовых от процессуально-правовых оснований прекращения дела. Прекращение дела по процессуальному основанию не содержит ответа на вопросы, составляющие предмет процесса, не означает решения по существу — о виновности или невиновности обвиняемого и о применении или неприменении к нему наказания. Поэтому для производства расследования не требуется предварительной отмены постановления или определения о прекращении дела по процессуальному основанию, которое впоследствии отпало (например, если поступила жалоба потерпевшего по делу частного-публичного обвинения, в котором такая жалоба ранее отсутствовала).

По процессуально-правовым основаниям дело подлежит прекращению в любой стадии процесса. Так, при наличии постановления или определения о предании обвиняемого суду, суд обязан в любой момент судебного разбирательства прекратить дело, если выявится, что обвинение уже было предметом судебного рассмотрения по другому делу.

Наконец, установление процессуально-правового основания к прекращению дела (например, при наличии неотмененного постановления следователя о прекращении дела за истечением сроков давности) влечет прекращение дела по этому основанию (п. 10 ст. 5 УПК РСФСР), несмотря на возможность его прекращения по материально-правовому основанию (в нашем примере — по п. 3 ст. 5 УПК РСФСР).

9. Автор не разделяет высказанного в литературе мнения согласно которому по делам частного обвинения недостаточность доказательств не может повлечь за собой отказ в возбуждении уголовного дела, она может служить лишь основанием для вынесения оправдательного приговора. Нельзя при решении этого вопроса не учитывать, что возбуждение дела частного обвинения означает и привлечение в качестве обвиняемого и даже предание суду лица, на которое подана жало-

ба. Поэтому представляется, что не следует предоставить частному обвинителю возможность одним фактом подачи жалобы при любых условиях поставить лицо в положение обвиняемого. Это противоречило бы задаче советского уголовного судопроизводства, чтобы невиновный не только не был осужден, но и «не был привлечен к уголовной ответственности» (ст. 2 УПК РСФСР).

Не соответствует интересам охраны прав личности и взгляд, что специфика дел частного обвинения влияет на общий порядок прекращения уголовного дела за малозначительностью деяния. Уголовно-правовой вопрос о наличии или отсутствии в деянии состава преступления (малозначительность деяния) не может решаться о зависимости от процессуального порядка расследования дела.

10. Процессуальные права обвиняемого устанавливаются законом в пределах, необходимых для установления истины, и, тем самым, для охраны его законных интересов. Поэтому нет основания для противопоставления принципа обеспечения права обвиняемого на защиту требованию объективной истины. Если закон запрещает органам следствия и суда переложить обязанность доказывания на обвиняемого или домогаться его показаний путем насилия, угроз и иных незаконных мер (ст. 14 Основ), то он этим не затрудняет, а облегчает установление истины по делу. Из опыта прошлого известно, что именно нарушение этого запрета содействовало вынесению приговоров, в которых истина не была установлена.

Из предоставления обвиняемому права отказаться от дачи показаний и освобождения его от ответственности за дачу ложных показаний вовсе не следует, что закон тем самым предоставляет обвиняемому **право** на ложь. Лицо, давшее взятку, также освобождается от уголовной ответственности, если в отношении его имело место вымогательство взятки. Но отсюда вовсе не следует, что лицу предоставлено **право** давать взятку каждому, кто ее вымогает. Если бы обвиняемый обладал правом на ложь, то следователь, прокурор и суд были бы обязаны разъяснить и обеспечить ему возможность осуществления этого права (ст. 27 Основ). В действительности же закон, наоборот, обязывает вести борьбу с попытками обвиняемого в процессе или вне его ввести следственные или судебные органы в заблуждение, фальсифицировать доказательства. Об отсутствии у обвиняемого права на ложь говорит и то обстоятельство, что закон рассматривает оговор обвиняемым заведомо невиновного лица, как обстоятельство, отягчающее его ответственность (п. 11 ст. 39 УК РСФСР).

С другой стороны, представляется не основанной на законе практика, когда при назначении наказания суды использу-

ют в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, ложные показания обвиняемого (кроме оговора заведомо невиновного лица). Из правила, что чистосердечное раскаяние служит обстоятельством, смягчающим ответственность (п. 9 ст. 38 УК РСФСР), не вытекает, что отсутствие чистосердечного раскаяния служит обстоятельством, отягчающим ответственность, точно так же как из того, что совершение преступления в отношении малолетнего отягчает ответственность (п. 5 ст. 39 УК РСФСР), не следует, что совершение преступления в отношении совершеннолетнего может быть приведено в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность.

Специфика положения обвиняемого в одинаковой мере оправдывает как освобождение от уголовной ответственности за дачу ложных показаний, так и устранение возможности усилить наказание в связи с дачей им таких показаний.

Что же касается предоставления обвиняемому права на ложь, то оно не имело бы оправдания в процессе, цель которого состоит в изобличении и наказании лиц, совершивших преступление, и ограждении невиновных от неосновательного обвинения.

11. Исходя из указанной цели процесса, нельзя согласиться с определением предмета процесса как «уголовная ответственность лица, обвиняемого в совершении преступления» (М. А. Чельцов). Если бы предметом уголовного процесса явилась уголовная ответственность за совершенное преступление, то отсюда следовало бы, что «ограждение невиновного не является целью, ради которой... ведется уголовный процесс» (М. Л. Якуб; в литературе Германской Демократической Республики В. Вейс). Если бы предметом процесса была уголовная ответственность, то в случае вынесения оправдательного приговора процесс оказался бы беспредметным. Не уголовная ответственность, а вопрос о виновности обвиняемого в совершении данного преступления и его уголовной ответственности, составляет предмет процесса (в литературе Польской Народной Республики Л. Шафф, М. Цесляк).

12. Вопрос, составляющий предмет процесса, разрешается в отношении каждого подсудимого и по каждому обвинению в отдельности. В этой связи автор рассматривает некоторые вопросы, касающиеся соединения и выделения дел органами предварительного расследования, а также предъявления обвинения, его изменения и предъявления нового обвинения в стадии предварительного расследования.

До каких пределов обвинение может изменяться, оставаясь все тем же, и когда оно должно рассматриваться как новое? Этот вопрос имеет серьезное практическое значение. Он может возникнуть как в момент возбуждения уголовного дела

(п. п. 9, 10 ст. 5 УПК РСФСР), так и в ходе всего дальнейшего расследования и рассмотрения дела.

При наличии нескольких различных преступных деяний обвинение в каждом из них является новым (при реальной совокупности преступлений) или тем же (при сложных или составных преступлениях) в зависимости от того, как построена уголовно-правовая норма.

При наличии нескольких однородных преступных деяний обвинение в каждом из них является новым (например, обвинение в неосторожном убийстве при наличии приговора в отношении того же лица по делу о другом неосторожном убийстве) или «тем же» (при продолжаемых, собирательных преступлениях) в зависимости от тех или иных указаний уголовного закона.

В работе положительно оценивается замена ранее известной формулировки «по обвинению в том же преступлении» (ст. 3 УПК РСФСР 1923 года) формулировкой «по тому же обвинению» (п. п. 9, 10 ст. 5 УПК РСФСР). Не всякое обвинение в другом преступлении есть новое обвинение. Так, при идеальной совокупности преступлений одно действие приводит к разным последствиям, не охватываемым одной статьей Особенной части Уголовного кодекса. Однако обвинение не перестает быть тем же, если оно касается не того, а другого объекта посягательства, образующего идеальную совокупность преступлений.

Действительное разграничение понятий «то же обвинение с изменениями» и «новое обвинение» дано в ст. ст. 254, 255 УПК РСФСР. С этими статьями необходимо привести в соответствие редакцию ст. ст. 154, 215 УПК РСФСР, так как слова ч. 1 ст. 154 УПК РСФСР «если... возникнут основания для изменения предъявленного обвинения или для его дополнения, следователь обязан предъявить обвиняемому **новое** обвинение» могут означать лишь «предъявить **вновь**» или «перепредъявить обвинение». Слова же ч. 2 той же статьи «если... обвинение в какой-либо части не нашло подтверждения, следователь своим постановлением прекращает дело в этой части...» означают неподтверждение **одного из нескольких** обвинений, в основе которых лежат разные фактические события.

Так как основания и природа прекращения дела не меняются в зависимости от того, следственным или судебным органом дело прекращено, то, представляется, что и процессуальные гарантии, вытекающие отсюда для гражданина, должны быть одинаковы независимо от того, идет ли речь об обстоятельстве, предусмотренном п. 9 или п. 10 ст. 5 УПК РСФСР. Поэтому было бы целесообразно ст. 210 УПК РСФСР изложить таким образом, чтобы возможность отмены поста-

новления следственного органа о прекращении дела при отсутствии вновь открывшихся обстоятельств была ограничена годичным сроком с момента вступления постановления в законную силу. Тем самым ст. 210 будет приведена в соответствие со ст. 373 УПК РСФСР.

13. С позиции требования установления истины и охраны прав личности в диссертации рассматривается вопрос о правовом положении и объеме полномочий участников процесса.

Прокурор обязан обосновать наличие предусмотренных законом условий для возбуждения дела при отсутствии жалобы потерпевшего (ч. 3 ст. 27 УПК РСФСР). Суд вправе установить, что без жалобы потерпевшего прокурор возбудил дело частного обвинения при отсутствии перечисленных в ч. 3 ст. 27 условий, и дело на основании п. 7 ст. 5 УПК РСФСР производством прекратить (ст. 234 УПК РСФСР). Обстоятельства, перечисленные в ч. 3 ст. 27 УПК РСФСР, носят объективный характер и их наличие или отсутствие вполне поддается проверке суда. Субъективному мнению прокурора об особом общественном значении дела тем более не может придаваться решающее значение, если учесть, что в ст. 27 УПК РСФСР 1960 года заменены слова ч. 2 ст. 10 УПК РСФСР 1923 года «если прокуратурой признано...» (субъективный критерий) словами «если дело... имеет...» (объективный критерий).

Из требования законности состава суда как важнейшей гарантии установления истины делаются, в частности, следующие выводы.

Судья, подлежащий отводу, должен быть отведен независимо от момента, когда суду стало известно об основаниях отвода, а следовательно, и независимо от момента заявления отвода. Отклонение ходатайства об отводе лишь потому, что его основание было известно стороне до начала судебного следствия (ч. 2 ст. 61 УПК РСФСР) представляется: а) неоправданным, так как на самом судье лежит обязанность в ходе всего процесса заявить самоотвод (ч. 1 ст. 61 УПК РСФСР); б) нецелесообразным, так как незаконный состав суда служит безусловным основанием к отмене приговора (п. 2 ст. 345 УПК РСФСР).

Возбуждение судьей уголовного дела в отношении свидетеля за дачу ложных показаний служит обстоятельством, исключающим возможность участия судьи в рассмотрении этого дела. В таком случае судья непосредственно воспринимает факт совершения преступления и у него складывается мнение о действии, очевидцем которого он был, еще до рассмотрения дела о лжесвидетельстве, а не на основе рассмотрения и оцен-

ки всех доказательств в судебном заседании (ст. 304 УПК РСФСР).

Судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела, не может участвовать в рассмотрении этого дела при разрешении вопроса о его возобновлении по вновь открывшимся обстоятельствам, а также при новом его рассмотрении. Приговор, которым осужден невиновный или оправдан виновный, является с момента его вынесения неправильным, хотя новые обстоятельства, служащие основанием возобновления дела, выявились после вынесения приговора. Судья же, который пришел к порочному выводу по делу, не может участвовать при вторичном рассмотрении того же дела.

В работе показывается, что интересам установления истины противоречат как необоснованное признание, так и необоснованный отказ в признании лица потерпевшим.

Автор не разделяет высказанное в литературе мнение, согласно которому при приготовлении или покушении на преступление лицо не может быть признано потерпевшим «за исключением случаев, когда сами действия по приготовлению и покушению на преступление причинили ему определенный вред» (В. Д. Арсеньев). Такой вывод, хотя и не противоречит грамматическому толкованию ст. 53 УПК РСФСР («преступлением причинен... вред»), вступает в противоречие с ее логическим толкованием. С точки зрения интересов всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела участие потерпевшего в уголовном процессе желательно как в случае оконченного преступления, так и в случае, когда преступление не было доведено до конца по не зависящим от обвиняемого обстоятельствам.

К выводу о необходимости расширительного толкования ст. 53 УПК РСФСР приводит также ее сопоставление с ч. 2 ст. 27 УПК РСФСР, согласно которой дело о таком преступлении, как изнасилование (ч. 1 ст. 117 УК РСФСР), возбуждается не иначе, как по жалобе потерпевшей. Если же придерживаться буквального толкования ст. 53 УПК РСФСР, то невозможным окажется преследование опасного преступника по ст. 15, и ч. 1, ст. 117 УК РСФСР за отсутствием лица, которому причинен вред, а следовательно, за отсутствием потерпевшей.

Необходимым и достаточным условием признания лица потерпевшим является непосредственное причинение лицу вреда преступлением, так как понятие вреда, нанесенного охраняемым законом интересам, есть понятие материально-правовое. Ст. 53 УПК РСФСР имеет поэтому в виду лишь такой вред, который наносится преступлением личному интересу, охраняемому конкретной уголовно-правовой нормой. Следо-

вательно, по делу об оскорблении лица, честь и достоинство которого унижены, будет признано потерпевшим потому, что есть конкретная уголовно-правовая норма (ст. 131 УК РСФСР), охраняющая личность от оскорблений. И, наоборот. По делу об изнасиловании мать изнасилованной не будет признана потерпевшей, несмотря на нанесенный ей посредственно преступлением моральный ущерб, потому что честь и достоинство женщины охраняются ст. 117 УК РСФСР как ее личный интерес, а не как интерес ее ближайших родственников.

По указанным основаниям нельзя согласиться со взглядом, что сам факт гибели лица вследствие преступления причиняет его близким родственникам непосредственно моральный вред. Если бы действительно по делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего, близким родственникам причинялся тот моральный вред, о котором речь идет в ч. 1 ст. 53 УПК РСФСР, то ч. 4 той же статьи была бы совершенно излишней. Именно потому, что по этим делам близкие родственники **не являются** лицами, которым преступлением нанесен вред в понимании **уголовно-материального** закона, понадобилось специальное указание **уголовно-процессуального** закона (ч. 4 ст. 53 УПК РСФСР), на основании которого близкие родственники приобретают **права** потерпевшего, хотя сами они потерпевшими не являются.

Автор считает целесообразным дополнить ч. 1 ст. 53 УПК РСФСР по примеру УПК некоторых братских социалистических стран указанием, что потерпевшим признается лицо, законные интересы которого преступлением непосредственно нарушены или поставлены под угрозу.

Из гарантированного обвиняемому права на защиту и принципа объективной истины следует, что нарушение адвокатом обязанности использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность, может повлечь дисциплинарные последствия для адвоката, а не процессуальные последствия для обвиняемого.

II.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

1. Учитывая, что «не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным»¹ и что установление истины в уголовном процессе происходит путем восстановления события прошлого при помощи доказательств,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 7.

автор в этом разделе диссертации рассматривает некоторые положения теории доказательств.

Рассмотрев отдельные спорные вопросы, касающиеся относимости и допустимости доказательств, доказательств и результатов доказывания, классификации доказательств, обязанности доказывания, презумпции истинности вступившего в законную силу судебного решения и принципа свободной оценки доказательств, автор приходит, в частности, к следующим выводам.

Принципам объективной истины и обеспечения обвиняемому права на защиту противоречат как отказ от выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию (предмет доказывания), так и отказ от исследования отдельных средств доказывания потому, что у следователя или суда сложилось убеждение, которого никакие доказательства якобы изменить не смогут (предел, объем доказывания). Нецелесообразным может быть признан допрос свидетеля не тогда, когда свидетель вызывается для опровержения обстоятельства, которое суд считает установленным, а в случае, когда недопрошенный свидетель вызывается в подтверждение того обстоятельства, которое суд считает установленным, или, говоря иначе, не потому, что уже сложившееся убеждение судей невозможно изменить, а потому, что это убеждение не нуждается в дальнейшем укреплении.

2. Доказательствами в уголовном процессе служат как доказательственные факты, так и средства доказывания. Новое уголовно-процессуальное законодательство не отказалось (да и не могло отказаться) от двойного понимания доказательств, отражающего их природу.

При всей органической связанности понятий источника доказательств (например, свидетель), средства доказывания (его показания) и доказательственного факта (фактические данные, содержащиеся в показаниях) практическое значение раздельного рассмотрения каждого из них состоит в том, что оно мобилизует на всестороннюю проверку достоверности и относимости фактических данных, допустимости и безупречности использованных средств доказывания и, наконец, доброкачественности источников сведений о доказательствах. В судебной практике встречаются случаи, когда указанное разграничение проявляется в одном и том же уголовном деле¹.

3. Данные о личности обвиняемого имеют в большинстве случаев не доказательственное значение, а значение розыск-

¹ Ср., например, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Г., «Судебная практика Верховного суда СССР 1942 г.», вып. II, Юриздат, 1943, стр. 15.

ное. Однако при известных условиях они могут приобрести доказательственное значение при решении вопроса о причастности лица к данному преступлению, о действительных мотивах деяния, о его виновности или невиновности, а также при оценке его показаний.

Признание за данными о личности обвиняемого при известных условиях значения доказательственного факта основано на том, что предполагаемая связь между доказательственным и искомым фактом может быть не только причинной, но и связью условия и обусловленного. Причинность есть «...лишь малая частичка всемирной связи»¹. Поэтому не должны вызвать возражений мотивы Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР, указавшей в определениях о прекращении дела, например: «здесь имела место ошибка в постановке диагноза, которая в данном случае не может рассматриваться как результат халатного отношения к своим служебным обязанностям со стороны А., тем более, что ...А. — молодой врач и имеет небольшой стаж работы»², или: «с учетом того, что П. является человеком преклонных лет, малограмотна, в силу чего могла довериться действиям судебного исполнителя Т. при покупке дома... у суда не было оснований для признания ее виновной по ст. 118 УК РСФСР»³ (1926 года. — Я. М.). И наоборот. Трудно согласиться с высказанной в теории точкой зрения, согласно которой «данные о личности обвиняемого имеют значение только для определения степени опасности преступления и ответственности обвиняемого за доказанное совершение им преступления...» (М. С. Строгович).

4. На суде лежит обязанность собирания, проверки и оценки доказательств в целях установления истины, но не обязанность доказать виновность подсудимого. Вопрос, совершил ли подсудимый то преступление, совершение которого следственными органами считается установленным, окончательно решается судом лишь после его удаления в совещательную комнату для постановления приговора. Если же суд до вынесения обвинительного приговора не убежден в виновности подсудимого, то невозможно возложить на него обязанность доказать эту виновность.

Возложив на суд обязанность доказать виновность каждого преданного суду обвиняемого, мы бы поставили его в положение, при котором оправдание подсудимого означало бы, что суд не выполнил возложенной на него обязанности. Такое по-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание Сочинений, т. 29, стр. 144.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1955, № 5, стр. 9.

³ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1956, № 4, стр. 13—14.

ложение не могло бы содействовать ни объективному исследованию обстоятельств дела, ни интересам установления истины, ни усилению воспитательного воздействия приговора на подсудимого.

5. Относительно отдельных средств доказывания в этом разделе сделаны, в частности, следующие выводы.

В отличие от свидетеля, обвиняемый (подозреваемый) дает не только показания, но и объяснения (ст. ст. 16, 32 Основ, 52, 69 УПК РСФСР). Понятие «объяснения» шире понятия «показания» обвиняемого. Значение доказательства имеют лишь те объяснения обвиняемого, которые представляют собой показания.

Теория уголовного процесса должна ориентировать не на различные степени осторожности при оценке той или иной разновидности показаний обвиняемого (сознания, отрицания вины, показаний против других лиц), а на то, что при оценке любого доказательства требуется максимальная осторожность, пределами которой является полное, всестороннее и объективное рассмотрение всех обстоятельств дела в их совокупности.

Целесообразно установить в законе, что лицо освобождается от обязанности давать показания и от уголовной ответственности за них, если предметом допроса являются факты, которыми это лицо уличается в совершении преступления или участии в нем. Это послужило бы дополнительной гарантией как права обвиняемого на защиту, так и правильной оценки доказательственного материала.

Из права следователя и суда мотивированно не согласиться с экспертом (ч. 3 ст. 80 УПК РСФСР) не следует, что они вправе использовать свои специальные познания для того, чтобы противопоставить заключению эксперта свое собственное заключение. Если для устранения неясности, неполноты или необоснованности заключения эксперта необходимы специальные познания, назначение дополнительной и повторной экспертизы представляется обязательным. Иное толкование слов «может быть назначено» в ст. 81 УПК РСФСР противоречило бы смыслу ст. 78 того же Кодекса.

III.

СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

1. Внимание, которое уделено в диссертации этой стадии процесса, определяется тем, что только приговором суда первой инстанции в судебном разбирательстве лицо может быть признано виновным в совершении преступления и подвергнуто уголовному наказанию.

В интересах обеспечения установления истины и дальнейшего усиления охраны прав личности в уголовном процессе автор делает некоторые рекомендации по улучшению правовой регламентации вопросов, решаемых в данной стадии, особенно в части, касающейся постановления судебного приговора.

Необходимость отдыха—не единственное основание, оправдывающее перерыв судебного заседания (ч. 2 ст. 240 УПК РСФСР). Таким основанием могут служить также подготовка участников судебных прений к выступлениям, производство экспертизы, вызов свидетеля и т. д. В этих целях на практике суды и объявляют перерывы. Получается, однако, что если суд объявил перерыв для вызова неявившегося свидетеля или истребования нового доказательств, то он нарушает требование ст. 240, так как перерыв объявлен не для отдыха, и требование ст. 257 УПК РСФСР, так как суд объявил перерыв судебного заседания вместо того, чтобы отложить дело слушанием. Излишне доказывать, насколько нежелательна судебная практика, не соответствующая прямому требованию закона, тем более, когда речь идет о требовании непрерывности процесса, нарушение которого законодатель иногда относит к безусловным кассационным основаниям (ср. п. 9 ст. 370 УПК УССР). Учитывая особое значение непрерывности процесса, целесообразно также наряду с расширением пределов возможности объявления перерыва в части его оснований установить в законе максимальный срок, по истечении которого прерванное судебное заседание автоматически считалось бы отложенным.

2. Вопросы о совещании и голосовании судей решаются в действующем Кодексе в главе «Постановление приговора», хотя они возникают не только при вынесении приговора и не только в деятельности суда первой инстанции. Но одинаково решаемые в различных стадиях процесса вопросы целесообразно регламентировать в Общей, а не Особенной части Кодекса. В противном случае неизбежны отсылочные нормы, повторения, которых можно было бы избежать, пробелы в законе, которые приходится восполнять путем применения аналогии. Так, вопрос об особом мнении судьи решается в ст. 307 УПК РСФСР среди вопросов, связанных с постановлением приговора. Очевидно, однако, что одни и те же соображения говорят в пользу права судьи, оставшегося в меньшинстве, изложить свое особое мнение при вынесении как приговора, так и определения, как в суде первой инстанции, так и в вышестоящем суде.

В законодательной регламентации порядка постановления судебных решений не должно быть никаких пробелов. Между тем, ограничившись указанием, что все вопросы решаются про-

стым большинством голосов, законодатель оставил открытым вопрос о решении, которое надлежит принять, если при голосовании по любому вопросу (кроме вопроса о виновности) не удалось достигнуть простого большинства голосов. Нельзя отрицать, что такого рода расхождения вполне возможны на практике, например, при голосовании по вопросу о назначении меры наказания.

Для таких случаев целесообразно, по примеру УПК других социалистических стран, предусмотреть правило о достижении искусственного большинства голосов путем присоединения голоса, поданного за решение, наименее благоприятное для обвиняемого, к голосу, поданному за наиболее приближенное к нему решение. При этих условиях было бы, кроме того, целесообразно предоставить судье, голосовавшему за оправдание, право воздержаться от голосования при решении вопроса о наказании. В противном случае создается положение, при котором судья, голосовавший за оправдание подсудимого, обязан указать, какое именно наказание должно быть назначено невиновному, по его убеждению, лицу.

Так как приговор есть решение по вопросу о виновности и наказании, то представляется, что в таком именно порядке должно происходить совещание и голосование судей: раньше по вопросу о виновности в целом, а затем по вопросу о наказании также в целом. При голосовании же по частям, в порядке, указанном в ст. 303 УПК РСФСР, вынесенный приговор может не отражать действительного убеждения состава суда.

Так, представим себе случай, когда все судьи считают необходимым вынести оправдательный приговор, но по разным основаниям. При голосовании по частям (п.п. 1—3 ст. 303 УПК РСФСР) большинством двух голосов против одного будет отвергнуто каждое из оснований оправдания подсудимого. В итоге все судьи, связанные ранее принятыми решениями и лишённые права воздержаться от голосования, положительно ответят и на вопрос, виновен ли подсудимый в совершении преступления (п. 4 ст. 303 УПК РСФСР), хотя при постановке вопроса о виновности в целом был бы единогласно постановлен оправдательный приговор.

Указанный в ст. 303 УПК РСФСР порядок совещания и голосования может, кроме того, вступить в противоречие с принципом судейской независимости. Так, допустим, что в меньшинстве оказался один из судей, давший отрицательный ответ на вопрос, имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый. Судья связан решением большинства и не вправе воздержаться от дальнейшего голосования. Как же при указанных условиях судье ответить на вопрос,

«совершил ли это деяние подсудимый» (п. 3 ст. 303 УПК РСФСР). Он не может ответить утвердительно, так как он убежден, что само деяние не имело места. Он не может также ответить, что деяние совершил не подсудимый, а другое лицо, по той же причине. Между тем всех указанных трудностей можно было бы избежать, если бы по примеру УПК некоторых других социалистических стран, на голосование ставились не отдельные составные части вопроса о виновности, а вопрос о виновности в целом, включая фактически и юридическую сторону содеянного, а также обстоятельства, исключающие уголовную ответственность или влияющие на квалификацию преступления¹.

Целесообразно установить в законе, что особое мнение судьи, изложенное при рассмотрении дела в кассационном порядке или по делу, которое не было предметом рассмотрения кассационной инстанцией, должно влечь направление дела соответствующему председателю суда для решения вопроса об опротестовании постановленного большинством голосов судебного решения (ср. ст. 285 УПК Узбекской ССР, иначе ст. 307 УПК РСФСР).

3. В законе целесообразно предъявить требование, чтобы суд указал в резолютивной части приговора, по какому именно **обвинению** подсудимый оправдан и по какому осужден (ч. 4 ст. 335 УПК РСФСР 1923 года), а не по какой **статье** уголовного закона он осужден и по какой оправдан (ст. 315 УПК РСФСР 1960 года). По делу, например, о хулиганстве, сопряженном с умышленным легким телесным повреждением, которое неправильно квалифицировано по ч. 2 ст. 112 и ч. 2 ст. 206 УК РСФСР, невозможно указать в резолютивной части приговора на оправдание по ч. 2 ст. 112 и осуждение по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР. Оправдание по ч. 2 ст. 112 УК РСФСР, во-первых, не имело бы под собой ни одного из оснований, перечисленных в пп. 1—3 ст. 309 УПК РСФСР, во-вторых, служило бы препятствием к вынесению обвинительного приговора по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР. По тому же обвинению не может быть вынесен и оправдательный и обвинительный приговор (п. 9 ст. 5 УПК РСФСР).

4. Остановившись в этом же разделе на вопросе о соотношении понятий и соответствующих им терминов справедливости, истинности, обоснованности, законности и мотивированности приговора, автор приходит к выводу, что практика подтвердила опасения Комиссии законодательных предположений при обсуждении ст. 15 проекта Закона о судостроительстве 1938

¹ Примерно в следующей редакции: «виновен ли подсудимый в том, что он такого-то числа похитил..., совершив преступление, предусмотренное ст... УК РСФСР».

года относительно формулировки «законность и обоснованность» приговора. От указанной формулировки закона целесообразно, по мнению диссертанта, отказаться в будущем, так как ее толкование приводит либо к противопоставлению законности приговора его обоснованности и наоборот¹, либо к выводам, трудно согласуемым с текстом и смыслом закона².

IV.

ПРОВЕРКА ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ПРИГОВОРА

1. Этому институту уделено в диссертации значительное место, учитывая ту особую роль, которую он выполняет в обеспечении установления истины и охраны прав личности.

В работе исследуются спорные вопросы, касающиеся пределов полномочий кассационной инстанции, частичного вступления приговора в законную силу, запрета преобразования к худшему, оснований к отмене или изменению приговора, пересмотра судебных решений в порядке судебного надзора и возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам. В итоге автор приходит, в частности, к следующим выводам.

Целесообразно закрепить в законе, по примеру УПК некоторых других социалистических стран, возможность отмены приговора только в части наказания с направлением дела в этой части на новое рассмотрение. Действительно, разве не встречаются случаи, когда подлежащий отмене приговор во всех других отношениях, кроме назначенного наказания, ни у кого сомнений не вызывает. Зачем же в таких случаях вновь вызывать свидетелей, экспертов, переводчиков для повторного рассмотрения не только вопроса о наказании, который в первоначальном приговоре решен неправильно, но и вопроса о вине, в правильности установления которой никто не сомневает-

¹ Так, И. Д. Перлов, полагая, что «законность и обоснованность приговора — различные свойства приговора...», приходит к выводу, что «в отдельных случаях обоснованный приговор может быть незаконным» («Научно-практический комментарий к УПК РСФСР», «Юридическая литература», 1965, стр. 428, 429).

² Так, Р. Д. Рахунов, исходя из того, что «законность является всеобъемлющим понятием и как таковое включает в себя и обоснованность приговора», последовательно приходит к выводу, что «необоснованный приговор является незаконным» («Научно-практический комментарий к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», Госюриздат, 1960, стр. 247). Но если понятие законности приговора включает понятие его обоснованности, то указание в ст. 332 УПК РСФСР на проверку не только законности, но и обоснованности приговора было бы излишним.

ся? Зачем подсудимому находиться вновь на скамье подсудимых при повторном исследовании обстоятельств им содеянного, если они уже установлены приговором, отражающим объективную истину, и никем ни в какой мере не оспариваются? Представляется, что в таких случаях повторное рассмотрение дела как в части вины, так и в части наказания не диктуется интересами отправления правосудия, авторитета судебной деятельности, или интересами самого осужденного.

Такой вывод тем более кажется правильным, если учесть, что действующему законодательству известны другие случаи, когда один состав суда решает вопрос о наказании, основываясь на решении другого состава суда в части, касающейся вины.

Так, в случаях, предусмотренных в ст. 367 УПК РСФСР, суд определяет наказание по совокупности преступлений путем поглощения менее строгого наказания более строгим либо путем полного или частичного сложения назначенных наказаний, исходя из той степени вины, которая установлена в другом, вступившем в законную силу судебном решении. И в этих случаях один состав суда дополняет своим решением решение другого состава суда.

Более того, пленум Верховного суда СССР указал в своем постановлении от 31 июля 1962 года: «Если осужденному неправильно определен вид колонии с менее строгим режимом, кассационная инстанция отменяет приговор в этой части... и... дело направляет на новое рассмотрение для определения вида колоний»¹.

Таким образом подтверждена возможность оставления приговора без изменений в части вины и квалификации преступления с отменой приговора в части, касающейся наказания. Но если суд в состоянии при указанных условиях ограничить пределы рассмотрения дела только вопросом об определении вида колонии, то он с таким же успехом сможет ограничить пределы рассмотрения дела, например, только вопросом о длительности испытательного срока², о проценте удержания из заработной платы³ и т. д.

Следовательно, отмена приговора только в части наказания в ряде случаев вполне оправдана, а законодательное закрепление возможности такой отмены приговора приведет к разумной экономии средств и труда.

2. В работе исследуется практика применения закона, согласно которому вышестоящий суд не вправе устанавливать обстоя-

¹ «Советская юстиция», 1962, № 47, с. 30.

² Если к лицу правильно применено условное осуждение.

³ В случае правильного осуждения лица к исправительным работам.

яательства, не установленные в приговоре (ч. 2 ст. 352 УПК РСФСР). Пленум Верховного суда СССР прекратил делопроизводство, так как из приобщенной к протесту копии свидетельства о рождении К. было видно, что он к моменту совершения преступления не достиг возраста, по достижении которого, согласно закону, возможна уголовная ответственность¹. Установление возраста осужденного вышестоящим судом без направления дела на новое рассмотрение судом первой инстанции представлялось в конкретном случае вполне возможным и целесообразным. Этим было ускорено прекращение дела в отношении лица, в части которого производство проводилось при отсутствии законных оснований. Но имеет ли подобная практика основание в законе?

В теории по рассматриваемому вопросу высказываются совершенно противоположные взгляды. По мнению одних, «справка о болезни подсудимого может служить основанием для смягчения приговора только после того, как эта справка в качестве доказательства рассмотрена судом первой инстанции» (Р. Д. Рахунов). По мнению других, когда, например, акт повторной ревизии устанавливает отсутствие недостачи, за которую осужден подсудимый, «суд второй инстанции может, отменив приговор, прекратить дело, исходя из явной нецелесообразности нового рассмотрения его в суде первой инстанции» (М. А. Чельцов).

Изучение деятельности вышестоящих судов приводит к выводу о невозможности полностью устранить из их практики отдельные случаи внесения дополнений и изменений, касающихся изложенной в приговоре фактической стороны дела. Если вышестоящий суд усматривает из материалов дела смягчающее вину обстоятельство, не отраженное в приговоре, то нельзя требовать, чтобы в каждом случае дело направлялось на новое рассмотрение, тем более, что отмена приговора только в части наказания с оставлением его без изменений в остальной части законом не предусмотрена. С другой стороны, представляется необходимым исключения из общего правила строго регламентировать законом, допуская их с учетом нужд и запросов судебной практики лишь в ограниченных пределах. В противном случае, как это показано в работе, практика иногда не останавливается перед установлением вышестоящими судами и таких обстоятельств, которыми ухудшается положение подсудимого или нарушается его право на защиту, а равно обстоятельств, достоверное установление которых невозможно в условиях деятельности вышестоящих судов, так как требует активной проверки доказательств в ходе судебного следствия.

¹ «Социалистическая законность», 1952, № 41, стр. 93.

3. В этой же главе рассмотрены вопросы, касающиеся природы и значения указаний вышестоящего суда и, в частности, вопрос о значении указаний относительно толкования и применения уголовного закона для суда, вновь рассматривающего дело, при неизменившемся фактическом составе. Решение этого вопроса вызывает споры в теории и судебной практике. Весьма существенны и расхождения в его правовой регламентации в УПК различных социалистических стран.

Из функции надзора вышестоящих судов за судебной деятельностью (ст. 24 УПК РСФСР), а равно из текста и смысла ст. 352 УПК РСФСР делается вывод, что указания вышестоящего суда всегда имеют обязательный характер независимо от того, касаются ли они вопросов факта или права, вопросов обоснованности или законности приговора. Дело не в том, чтобы нижестоящий суд не выполнял того или иного указания вышестоящего суда как не обязательного, а в том, чтобы вышестоящие суды не выходили за пределы своих полномочий, давая, например, указания, исключающие по своей форме возможность и необходимость оценки доказательств при новом рассмотрении дела по существу¹ или предпринимая вопрос о применении того или иного уголовного закона.

Отсутствие у вышестоящего суда права предпринимать вопрос о квалификации преступления судом первой инстанции при неизменившемся фактическом составе объясняется не только и не столько принципом независимости судей и подчинения их только закону. Этот принцип, как известно, не препятствует наделению вышестоящего суда правом предпринимать вопрос о применении того или иного процессуального закона. Между тем судебская независимость предполагает независимость не только при **решении** вопроса о вине и наказании, но и при выборе процессуального пути исследования и установления фактических обстоятельств дела.

Регламентируя по-разному пределы полномочий вышестоящего суда в зависимости от того, касаются ли его указания вопросов материального или процессуального права, законо-

¹ Пленум Верховного суда СССР направил дело М. на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, отметив при этом в своем постановлении от 19 июня 1961 года: «Президиум Верховного суда РСФСР... с достаточной обоснованностью указал, что М. виновен в умышленном убийстве жены, совершенном на почве хулиганских побуждений» («Бюллетень Верховного суда СССР», 1961, № 4, стр. 43).

Если Пленум считал, что в таком убийстве М. необходимо лишь предъявить обвинение, то, представляется, нельзя было с такой категоричностью высказаться по вопросу о его виновности. Это осложняет осуществление обвиняемым права на защиту, а судом — обязанности вынесения приговора по своему внутреннему убеждению.

датель исходит из интересов обеспечения обвиняемому права на защиту. Закон гарантирует подсудимому право в условиях деятельности суда первой инстанции, а затем перед судом второй инстанции защищаться против той или иной квалификации его деяния. Если же предоставить вышестоящему суду право **предрешать** вопрос о применении того или иного уголовного закона, то указанное право подсудимого перестало бы быть реальным. В случае отмены, например, приговора, которым подсудимый оправдан за отсутствием в его деянии состава преступления, если исходить из того, что вопрос о наличии состава преступления в этом деянии предрешен кассационной инстанцией, то при неизменившемся фактическом составе возможность подсудимого защищаться против предъявленного обвинения была бы сведена к нулю¹.

Исходя из указанных соображений, автор делает вывод, что и кассационная инстанция не связана при повторном рассмотрении дела высказанным ею мнением по вопросу о применении уголовного закона в первоначальном определении об отмене приговора.

4. В соответствии со своей исходной позицией, согласно которой нет противоречий между гарантиями прав обвиняемого и требованием установления истины, автор показывает путем анализа ст. 46 Основ уголовного судопроизводства, что запрет преобразования к худшему не вступает в коллизию с принципом объективной истины. Этот запрет распространяется на вопросы квалификации преступления и назначения наказания, а не установления фактических обстоятельств дела, которые органы следствия и суд всегда обязаны установить в соответствии с тем, что имело место в действительности. Поэтому в диссертации подвергается критике практика, когда отдельными судами по групповым делам запрет преобразования к худшему применяется в ущерб принципам объективной истины и обеспечения обвиняемому права на защиту. Это имеет место в случаях, когда кассационная инстанция считает невозможным удовлетворить кассационную жалобу одного из осужденных (например, обоснованно оспаривающего получение денег от второго осужденного по делу о хищении) на том основании, что этим может быть ухудшено положение второго осужденного, также обжаловавшего приговор (например, ввиду суровости назначенного ему наказания)².

¹ В ранее изданной работе «Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства» (Кемерово, 1962, стр. 192 и сл.) автор занимал по данному вопросу такую позицию.

² Ср., в частности, определение Судебной коллегии по уголовным делам Кемеровского областного суда от 30 июня 1958 года по делу П. и К.

Ограничения полномочий кассационной инстанции в части возможности отмены приговора по основаниям, ухудшающим положение подсудимого, вытекают: а) при рассмотрении дела по жалобе подсудимого — из запрета преобразования к худшему; б) при рассмотрении дела по протесту прокурора или жалобе потерпевшего, принесенным не за мягкостью наказания или в связи с необходимостью применения закона о более тяжком преступлении, — из необходимости обеспечить обвиняемому возможность защиты при производстве в кассационной инстанции.

Целесообразно отказаться от положения закона, согласно которому надзорная инстанция, не будучи связанной запретом преобразования к худшему в отношении осужденного, **в пользу которого** принесен протест, связана этим запретом в части осужденного, в отношении которого протест не вносится (ч. 5 ст. 380 УПК РСФСР). Подобное решение вопроса представляется, по мнению автора, логически несостоятельным.

Согласно ч. 2 ст. 390 УПК РСФСР при судебном разбирательстве дела, по которому был отменен приговор в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, суд первой инстанции не связан размерами наказания, назначенного по отмененному приговору. В этой части представляется необходимым указанную статью привести в соответствие со ст. 52. Основ уголовного судопроизводства, согласно которой запрет преобразования к худшему сохраняет свою силу в случае отмены приговора по вновь открывшимся обстоятельствам, если при новом рассмотрении дела не установлены обстоятельства, свидетельствующие о совершении подсудимым более тяжкого преступления.

5. С позиции требования установления истины и охраны прав личности в процессе рассматривается в этом разделе вопрос о делении кассационных оснований на условные и безусловные.

Безусловными кассационными основаниями являются, по мнению диссертанта, те нарушения форм судопроизводства, которые независимо от обстоятельств конкретного дела не могут не вызвать сомнений в правильности приговора, а не нарушения, которые влекут отмену приговора независимо от того, «есть ли в данном случае основание сомневаться в правильности вынесенного приговора» (М. С. Строгович).

Из смысла ст. 345 следует, что существенными признаются не только нарушения, которые «повлияли или могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора» (ч. 1

ст. 345), но и нарушения, в силу которых сомнения вышестоящего суда в правильности приговора становятся неизбежными. Так, отсутствие протокола судебного заседания не влияет на постановление правильного приговора и тем не менее служит безусловным основанием к его отмене (п. 7 ст. 345 УПК РСФСР).

Особенность кассационного основания, приведенного в ст. 345 УПК РСФСР, не в том, что, как указано в заголовке статьи, оно представляет собой «существенное нарушение уголовно-процессуального закона» (о таком нарушении говорится и в ст. ст. 343, 344, УПК РСФСР), а в том, что оно предполагает существенное нарушение форм судопроизводства (ср. ст. 415 УПК РСФСР 1923 года).

Деление оснований к отмене приговора на условные и безусловные должно применяться (аналогично в литературе Народной Республики Болгарии проф. С. Павлов) только к нарушениям форм судопроизводства (ст. 415 УПК РСФСР 1923 года; иначе ч. 2 ст. 343 УПК РСФСР, 1960 года).

6. В работе показано, что интересам установления истины и охраны прав личности может нанести вред смешение процессуальных норм о пересмотре судебных решений в порядке судебного надзора и возобновлении дел по вновь открывшимся обстоятельствам.

Так, в судебной практике встречаются случаи, когда смерть потерпевшего в результате посягательства на его жизнь наступает после вынесения приговора, по которому лицо, естественно, признается виновным не в убийстве, а в телесном повреждении. В таких случаях возникает вопрос о порядке отмены приговора, не отражающего истину. Диссертант не разделяет точку зрения, согласно которой такой приговор подлежит отмене в порядке судебного надзора¹. Если на день вынесения приговора потерпевший был жив, то основание к отмене приговора не вытекает из материалов данного дела. Наступление после вступления приговора в законную силу смерти потерпевшего от нанесенного повреждения является как раз одним из обстоятельств, неизвестных суду при постановлении приговора, «которые... доказывают... совершение (осужденным)... более тяжкого преступления, нежели то, за которое он осужден...» (п. 4 ст. 384 УПК РСФСР). Нельзя не отметить, что если смерть наступила по истечении года с момента вступления приговора в законную силу, отмена его в порядке судебного надзора была бы вообще невозможна (ст. 373 УПК РСФСР).

¹ См., например, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу М. и Ч., «Судебная практика Верховного суда СССР», 1948, вып. II, стр. 16.

С нечетким разграничением предмета возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам и пересмотра судебных решений в порядке судебного надзора мы встречаемся не только в судебной практике и процессуальной теории, но и в действующем законе. Так, в ч. 1 ст. 385 недостаточно критически, по мнению автора, воспроизведены слова ст. 373 УПК РСФСР «пересмотр обвинительного приговора... по мотивам мягкости наказания или необходимости применения к осужденному закона о более тяжком преступлении». Эта редакция не соответствует тексту и смыслу ч. 2 ст. 52 Основ уголовного судопроизводства. Она расходится и с редакцией, например, соответствующей ей ч. 2 ст. 359 УПК УзССР, в которой правильно, по мнению диссертанта, говорится «об обнаружении обстоятельств, указывающих на совершение данным лицом более тяжкого преступления», а не о мотивах мягкости наказания или необходимости применения к осужденному закона о более тяжком преступлении. По указанным мотивам вступивший в законную силу приговор отменяется или изменяется только в порядке судебного надзора (ст. 379 УПК РСФСР), а не в порядке возобновления дела.

Поэтому представляется целесообразным привести ч. 1 ст. 385 в соответствие с ч. 2 ст. 385 УПК РСФСР, заменив слова «по мотивам мягкости наказания или необходимости применения к осужденному закона о более тяжком преступлении» словами «не в пользу осужденного».

7. В этом же разделе рассмотрены отдельные спорные, с точки зрения интересов охраны прав осужденного, вопросы, касающиеся сущности и процессуальной природы стадии исполнения приговора. Проанализировав различия (по субъекту, объекту, условиям деятельности, основаниям и последствиям) между изменением приговора в части наказания вышестоящим судом и разрешением вопросов, связанных с исполнением приговора, автор приходит к выводу, что в стадии исполнения приговора не может быть речи об изменении приговора в части назначенного наказания.

* * *

Историческое развитие неизбежно ведет к тому, что настанет время, когда люди привыкнут к соблюдению правил общежития «без **особого аппарата** для принуждения, который называется государством»¹.

Социальные нормы в коммунистическом обществе потеряют свой юридический характер. Юридическая наука постепенно перерастет в систему социально-этических наук. А возмож-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание Сочинений, т. 33, стр. 89.

ные эксцессы в быту или на работе будут ликвидироваться без сложных уголовно-процессуальных средств, «с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной»¹.

Все это, однако, ни в какой мере не умаляет ни роли социалистического права на современном этапе, ни опасности проявляемого иногда нигилистического отношения к нормам права вообще, уголовно-процессуальным нормам в частности. Процесс отмирания права — это процесс его **развития** в коммунистические неправовые правила поведения. И именно потому, что социалистическое право, включая уголовно-процессуальное право, все шире используется для создания условий, при которых оно окажется ненужным, речь может идти только о его всемерном развитии и укреплении в переходный период от социализма к коммунизму. «Постоянное совершенствование Советского общенародного государства и права, всемерное укрепление социалистической законности — необходимые условия перерастания социалистической государственности в общественное коммунистическое самоуправление, а норм социалистического права — в правила коммунистического общежития»².

¹ В. И. Ленин. Полное собрание Сочинений, т. 33, стр. 91.

² «Насущные задачи юридической науки», «Коммунист», 1964, № 12, стр. 70.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ:

1. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства, Кемерово, 1962 (18,5 печ. л.).
2. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства, ч. 2, Кемерово, 1964 (9,62 печ. л.).
3. Вопросы дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства, Томск, 1966 (7,5 печ. л.).
4. О некоторых вопросах уголовно-процессуального законодательства. «Советское государство и право», 1964, № 5.
5. Доказательственное значение данных о личности обвиняемого. «Социалистическая законность», 1959, № 9.
6. Истина судебного приговора в свете марксистско-ленинской теории познания. «Ученые записки Кемеровского государственного педагогического института», вып. III, 1959.
7. К вопросу об основаниях и последствиях отмены судебного приговора. «Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов». Издательство Томского университета, 1964.
8. Установление момента вступления приговора в законную силу. «Советская юстиция», 1964, № 5.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ СОДЕРЖАТСЯ ТАКЖЕ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ АВТОРА:

1. Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе. Госюриздат, 1956, (9,23 печ. л.).
2. Рецензия на работы Б. С. Тетерина. Возобновление дел что вновь открывшимся обстоятельствам, Госюриздат, 1950, и С. Сливинского. Возобновление уголовного судопроизводства по польскому праву в сравнительном плане, Варшава, 1957, «Правоведение», 1961, № 4.
3. Рецензия на работу Л. Шаффа. Объем и формы предварительного расследования. Варшава, 1961, «Правоведение», 1963, № 1.
4. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса и уголовно-процессуального законодательства (подготовлена к печати; 7 печ. л.).

Я. О. МОТОВИЛОВКЕР.
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Корректор Л. Буквина.

Сдано в набор 16/ХІІ-1966 г. Подписано в печать 22-ХІІ-1966 г.
Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Печ. листов 2,25.
АГ 14466. Заказ 6880. Тираж 350 экз.

г. Барнаул, тип. «Алтайская правда», ул. Короленко, 105.